

18. Позднес к ним присоединились немцы, прибывшие из Буковины. The Germans from Russia ...In (Western) Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rothenbergerfamily.net/Germans_Russia.html.
19. Михайло Костюк. Німецькі колонії на Волині (XIX – початок XX ст. / М. Костюк. – Тернопіль : Підручники и посібники, 2003. – С. 58–59.
20. *German Saskatchewan*. Gencalogy Roots. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rootsweb.ancestry.com/~cansk/Saskatchewan/ethnic/german-saskatchewan.html>.
21. *Konrad Weiss, 1882–1948, mygrandfather / K. Weiss*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.russianroots.ca/images/rtrstory2.pdf.
22. В Первом Фонде Канцелярии Саратовского губернатора Государственного архива Саратовской губернии находятся документы о выдаче заграничных паспортов российским немцам. Исследования, проведенные И. Вибс, показали, что по представленным спискам за период с 1886 по 1912 гг. более 3500 подали прошение на переезд в Америку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wolgadcutsche.net/pleve/listc>.
23. *Anderson A. B. German Settlements in Saskatchewan* [Электронный ресурс] / A. B. Anderson. – Режим доступа : http://esask.uregina.ca/entry/german_settlements.html
24. *Russian-Germans of the First and Second Generation in the States by group membership (1920)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.webbitt.com/volga2/settle-pop.htm>.

Надійшла до редколегії 10.01.2013 р.

УДК 94(47)(092)

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПСИХОЛОГИЯ И МЕТАМОРФОЗЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Досліджено погляди К. П. Победоносцева з питань колонізації, міжетнічних та міжконфесійних стосунків у Російській імперії. Визначено місце політика у системі російського націоналістичного дискурсу.

Ключові слова: Победоносцев К. П., націоналізм, колонізація, пізня Російська імперія.

Исследованы взгляды К. П. Победоносцева по вопросам колонизации, межэтнических и межконфессиональных отношений в поздней Российской империи. Определено место политика в системе российского националистического дискурса.

Ключевые слова: Победоносцев К. П., национализм, колонизация, поздняя Российская империя.

The author studies K. P. Pobedonostzev as a representative of Russian nationalism. She analyses his political position about colonization, ethnic and religious situation in late Russian Empire.

Keywords: Pobedonostzev K. P., nationalism, colonization, the late Russian Empire.

Untersucht werden die Ansichten K. P. Pobedonoscevs in Fragen der Kolonisierung, interethnischen und interkonfessioneller Beziehungen in der Spätphase des Russischen Reiches. Bestimmt wird die Stellung des Politikers im System des russländischen nationalistischen Diskurses.

Schlüsselbegriffe: Pobedonoscev K. P., Nationalismus, Kolonisierung, Spätphase des Russischen Reiches.

«Серый кардинал», «русский Торквемада», «тайный правитель России», «мессия». Этими и множеством других, весьма противоречивых по содержанию эпитетов, парскали Константин Пестрович Победоносцев (1827–1907) как современники, так и потомки его эпохи. К личности Победоносцева невозможно было оставаться индифферентным, поскольку и он сам, и его деятельность не были индифферентными для России. Одни его любили, видели в нём спасителя империи, поддерживали его программу и деятельность. Ещё больше – ненавидели. Насколько справедливыми были данные притязания и панегирики в адрес одного из самых влиятельных деятелей конца XIX ст.? Совершенно очевидно, что личность Победоносцева для России являла собою нечто большее, чем образ известного политика – «provokatora» будущих социальных потрясений, оказавшего влияние на вектор развития и состояние российского общества в последние десятилетия века модернизации. Победоносцев – это явление, симптом политических и психологических метаморфоз российского национализма. Это не только прошлое, но и настоящее Российского государства. Победоносцев является одним из показательных примеров, ключом к пониманию того, что толкало каждого второго российского деятеля, почти либерала, пришедшего в практическую политику, изменив былым убеждениям, превратиться в самого непримиримого консерватора. Особый интерес в системе мировоззрения Победоносцева занимали его взгляды на состояние межконфес-

сиональных и межэтнических отношений в России. Данная проблема находится в фокусе нашего исследования.

Историография и источники. Первые версии анализа деятельности Победоносцева были представлены его современниками. В 1907 г., вскоре после смерти политика, была опубликована работа Б. Б. Глинского, в которой личность Победоносцева был охарактеризована как «явление необычайного порядка» [10, с. 6]. По мнению автора, личная трагедия обер-прокурора состояла не столько в том, что «на его глазах и при его содействии создавалась Россия Александра III, и на его же глазах она постепенно стала отходить в дань преданий и невозвратного прошлого...» [10, с. 8], а в том, что новая эпоха совершенно не соответствовала тому идеалу, которого пытался достичь Победоносцев своей многолетней деятельностью.

На заре парламентаризма в России о деятельности обер-прокурора вспоминали преимущественно негативно, в связи с его ролью по разрушению проекта конституции М. Т. Лорис-Меликова в 1881 г. Например, лидер конституционных демократов П. Н. Милюков в своих воспоминаниях именoval Победоносцева не иначе как человеком, который «несёт ответственность за крупнейшие династии» [25, с. 57].

Ю. В. Готье исследовал проблему личных взаимоотношений политика и Александра III (1928 г.) [11]. Автор в целом поддерживал сформированный ранее тезис о влиянии Победоносцева на определение курса последней четверти XIX ст., в условиях которого обер-прокурор достиг высокого статуса, который, по мнению Готье, соответствовал позиции «вице-императора».

Российский философ Николай Бердяев, признавая силу политического влияния Победоносцева, рассматривал его как не менее знаковую для России фигуру, чем В. И. Ленин («Победоносцев и Ленин») [4, с. 536]. Основой политики Победоносцева Бердяев считал особенности личного мировоззрения обер-прокурора, которое философ именoval как «нигилизм на религиозной почве». Как писал Бердяев, «для него [Победоносцева] человек безнадежно плох, и единственное спасение – держать мир в ежовых рукавицах». В другой своей работе Бердяев пояснял, что главной чертой Победоносцева являлось «неверие в силу добра, неверие чудовищное, раздвинутое русской официальной церковью и русским государством. Сила Победоносцева, непостижимая власть этого человека над русской жизнью в том и коренилась, что он был отражением исторического русского неверия, исторического русского пингизма» [3, с. 286]. В связи с этим, как убежден Бердяев, мировоззрение Победоносцева было да-

лским от славянофильства, так как обер-прокурор «не имел, подобно им, широких исторических перспектив» [3, с. 286].

Единственное в советской историографии исследование С. Л. Эвенчика интерпретировало политику и личность Победоносцева с соответствующих периоду написания и развития марксистской исторической эпистемологии позиций [58]. Среди современных исследований жизни и деятельности Победоносцева следует особо упомянуть работы А. Ю. Полунова [45; 46; 47]. Российский историк сознательно отошёл от закреплённого в исторической традиции построения «априорного негативизма» в оценке личности политика. Отмечая одновременно как позитивные стороны, так и просчёты его деятельности, признавая их глобальные для российского государства последствия, исследователь тем не менее поясняет: «Россию толкал в пропасть человек умный, образованный, глубоко верующий, абсолютно бескорыстный и искренне желавший блага России» [44, с. 118].

Изучение обозначенной нами проблемы основано на комплексе источников, который складывается из теоретического наследия П. Г. Победоносцева [26; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 40; 42] (работ, впервые опубликованных на страницах «Журнала министерства юстиции», «Московских повестей», «Архива» Калачёва, «Юридического вестника», «Чтений в императорском обществе истории и древностей при Московском университете», «Русского архива», «Русского обозрения»), его переписки, воспоминаний современников, а также писем и обращений, адресованных к нему как к влиятельному политику и обер-прокурору Священного Синода представителями российской общественности, различных социальных групп и сословий [5; 9; 12; 13; 16; 17; 18; 20; 21; 28; 29; 30; 41]. Данные материалы содержат сведения, позволяющие «услышать» не только самого политика, но и российское общество его эпохи в целом.

Первые рассуждения Победоносцева о месте и роли иноземной колонизации в истории Российского государства прослеживаются уже на начальном этапе публичной деятельности. В 1863 г. Победоносцев сопровождал своего ученика, великого князя Николая Александровича, в его путешествии по России. Свои наблюдения и комментарии наставник изложил в книге, опубликованной по результатам поездки [40]. Итоги мировоззренческих метаморфоз по проблемам межэтнических отношений, взгляды и настроения данного деятеля на пике его карьеры и политического могущества представлены очерками, собранными К. Победоносцевым в «Московском сборни-

кс» (1896). Между двумя этими публикациями – не просто человеческая жизнь и опыт политической деятельности. Между ними – эпоха, тридцатилетие сомнений, надежд, цивилизационных прорывов и отступлений, через которые прошла империя и её народ. И если в первом из упомянутых произведений, написанных в жанре путевых заметок, К. П. Победоносцев, подражая В. Павловичу, А. Шмидту и Л. Герсманову [14; 23–24], проявил себя, скорее, как исследователь, то в «Московском сборнике» Победоносцев – искусный царедворец, транслятор идей консервативной партии российской политической элиты. Являясь одновременно и творцом, и продуктом эпохи конца XIX ст., он выражает мировоззрение, которое было свойственно российскому обществу на новом витке развития национализма.

Особенности становления карьеры. Первые рефлексии немца о вопросе. Сам Победоносцев на закате своей деятельности в письме члену Государственного Совета С. Д. Шереметьеву описывал свой прошлый политический опыт следующим образом: «...С молодости гляжу на дело и на людей с великим страхом. С 1856 г. видел, как сменялись ряды людей, правящих судьбами России, и как эти люди всё более становились чужды своему отечеству и своему народу, его истории...; видел как новые реформы, одна за другою кроили Россию по живому телу по всем направлениям, спутывали жизнь народную со всех сторон узами..., подтачивали значение власти! Видел как задумали они увенчать всю эту сеть вешном Французской конституции. И так подошёл 1881 г. – и люди, которые всё это строили, были мне близко известны, культурные, хищные, чуждые народу. Я не мог утерпеть и восстал всею душою против их плана... И теперь за это отвернулись от меня пышные правители, и самые умеренные из них осуждают меня за то, что в 1881 г. помешал Конституции... Наконец, пышные реформаторы вступили в силу... А пышные в сравнении с тогдашними явились ещё пустее, ничтожнее. Никто из них не видал ни России, ни народа» [41; с. 18]. Такими весьма неприятными пессимистическими характеристиками кратко освидетельствовал Победоносцев политическую историю Российской империи за полстолетия своего сознательного участия в ней. По наблюдению Г. Флоровского, Победоносцев действительно «страдал историческим унынием, подозрительностью и маловесием» [52, с. 490]. Однако следует заметить, что данные качества не были свойственны политику на начальном этапе его деятельности, а являлись, скорее всего, более поздним «приобретением», и прежде чем будущий обер-прокурор стал, как утверждают современные исследова-

тели, одним из творцов курса политической реакции, придворным и конфиденнтом императора Александра III, его убеждения пережили значительные метаморфозы.

Начинал Победоносцев с весьма смелого, не лишённого либеральных настроений и нацеленного на реформы памфлета «Граф В. П. Панин. Министр юстиции», напечатанного в лондонском издании «Голосов из России» А. И. Герцена, где поднималась извечная для России проблема несовершенства правовой системы. Начало преобразований он встретил с энтузиазмом, а с 1861 г. участвовал в разработке судебной реформы [45, с. 43]. Победоносцев читал лекции в Московском университете, выпустил учебник по курсу гражданского права. Деятельность молодого юриста привлекла внимание императора Александра II и его окружения, и с 1861 г. Победоносцев назначен учителем цесаревича Николая, а затем великих князей Александра и Владимира. С этого времени карьера молодого преподавателя стремительно развивается, и в 1868 г. он становится сенатором, 1872 г. — членом Государственного Совета, с 1880 г. — обер-прокурором Священного Синода [10, с. 12; 47, с. 43–44]. Постепенно Победоносцев превращается в одну из заметных фигур российского политикума, принимавшую участие в формировании концепций развития Российского государства, решении его многочисленных проблем, в том числе и в значимой для империи сфере этноконфессионального.

Убедительный материал для размышлений по названному комплексу проблем, включая и цесарский вопрос, Победоносцев впервые получил во время путешествия по России в 1863 г. Поволжье и Сарепта были включены в маршрут поездки цесаревича, благодаря чему Победоносцев, сопровождавший наследника, впервые ознакомился с бытом цесарского поселения и культурой его жителей. Свои наблюдения и комментарии начинающий политик изложил в книге «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» [40]. Представленная им хроника визита является исключительно важной для понимания эволюции цесарского вопроса в империи на начальном этапе его становления.

Будущий обер-прокурор описывает торжественный приём, который был оказан царевичу во время посещения Сарепты. Он сообщает о пожертвованиях колонистов (Николаю Александровичу были предложены пожертвования, собранные в пользу семейств воинов (27 154 руб. 38,5 копеек серебром)) [40, с. 305], о приветственной речи, произнесённой управляющим Саратовской Общественной конто-

рой, действительным статским советником фон Лизандером на немецком языке [40, с. 310]. Почётным гостям был предоставлен ночлег в доме пастора, а обед был накрыт в квартире старшины правления религиозного братства Битнера. Последник и сопровождавшая его делегация присутствовали на религиозном собрании местной общины, где была произнесена молитва в честь монарха. Все эти факты воспринимались Победоносцевым позитивно, как проявление патриотизма.

Благоприятное впечатление на визитёров оказало как само поселение, так и его жители: «С первого взгляда было видно, что мы приехали в такое место, где хозяйничает, распоряжается и всё содержит своеобразною дисциплиною элемент не русский» [40, с. 311]. В описаниях автора быт и устройство колонии выгодно отличались от увиденного им в типичных русских деревнях, и пребывание в немецком селении было наполнено для путешественников «новыми впечатлениями»: «Сарепта – зелёный оазис.., мы с удовольствием осматривали улицы.., везде эффект чистоты и опрятности» [40, с. 312–313]. Победоносцев дополняет свои описания позитивным комментарием в адрес колонистов, и его суждения лишены каких-либо политических напастований.

Затрагивая тему льгот и привилегий, предоставленных Сарепте, Победоносцев, подтверждая, что правительство действительно «помогает Сарепте щедрой рукой», тут же оговаривал, что «только небольшое терпение и постоянное трудолюбие могли удержать их [колонистов] на пустынном месте и утвердить в нём промыслы, которыми держались и до сих пор держится колония» [40, с. 324]. Он констатирует, что колонисты, пользуясь льготами, довольны своим положением [40, с. 325]. Победоносцев видит причину процветания селения в этнических качествах проживающего здесь народа, особом отношении к труду: «В разговоре местные жители говорили: нам некогда скучать, мы всегда заняты» [40, с. 330].

Влияние Сарепты на окружающее население – ещё одна тема, чётко очерченная Победоносцевым в «Письмах о путешествии». Он сообщает, что кроме 450 местных жителей в Сарепте постоянно пребывают около 600 рабочих, и в связи с этим немецкая культура распространяется в «среде русского и инородческого степного населения» [40, с. 337]. Автор свидетельствует, что почти все мужчины-плотские говорят по-русски, поскольку это необходимо для общения с рабочими, которые немецкий язык не изучают [40, с. 334]. Детей в школе также обучают русскому языку. Победоносцев сообщает об извест-

ных ему попытках миссионерской деятельности, которая достаточно открыто и успешно проводилась до 1823 г. Например, колонист Шмидт перевёл Новый завет на калмыцкий язык и проповедовал среди кочевников, однако, как было доложено местными старшинами, «центральная община в Саксонии» запретила включать местное аборигенное население в состав конгрегации, в связи с чем миссионерская деятельность утратила всякий смысл и от неё решено было отказаться [40, с. 334].

Важно принять во внимание, что многие проблемы, представленные в рассуждениях автора, формулировали «вопросы на перспективу», а именно, просцировались на его дальнейшую политическую деятельность. Так, например, Победоносцев сообщает о связях Сарепты с Саксонией, откуда в колонию делегируются пасторы и учителя [40, с. 314, 333]. Нескольким противоречит его предыдущим размышлениям утверждение о том, что Сарепта «всегда пользуется связью с Германией и без неё не могла бы процветать» [40, с. 328]. Автор также сообщает, что «характер и быт массы населения остался нам неизвестен...» [40, с. 337]. И хотя в «Письмах о путешествии» данные факты о «сотрудничестве» с иноземным государством, будущим политическим противником, а также о некоторой закрытости общины и «чужести характера» воспринимались и интерпретировались Победоносцевым достаточно нейтрально, в дальнейшем они примут форму обвинительного заключения в поддержку националистических лозунгов, направленных в адрес немецкоязычного населения России.

Упоминая о существующем разделении мнений относительно колонизации в целом и положении (особых привилегиях) данного селения в частности, Победоносцев пишет: «Сарепта имеет многих противников, которые не могут примириться с мыслью, что посреди русского населения и на русской земле существует островок немецких людей, которые, не имея органической части с землёй и чуждые быту её, живут себе лишь на пользу, тяготясь к чужой национальности, не разделяя с русским населением общих государственных и земских тягостей» [40, с. 338]. Не разделяя мнения сторонников данной позиции, в такой оценке Победоносцев видит «крайности национального чувства» [40, с. 324]. Несколько проведённых в Сарепте дней привели Победоносцева к позитивному выводу: «Кажется, что не переставая быть русским человеком и не ослабляя национального чувства, можно терпеть в русской земле такое явление как Сарепта: на это есть основательные причины...» [40, с. 324].

Замстим также, что на этапе планирования поездки в маршрут цесаревича было внесено посещение Молочанских меннонитских колоний, однако досадные обстоятельства расстроили первоначальные планы и лишили современных авторов важного исторического свидетельства [40, с. 338].

В своих первых записках Победоносцев вольно или невольно оказался близок к официальной позиции относительно колонизации и «немецкого вопроса» в России, которая до 1866 г., несмотря на существующие в обществе дискуссии (о чём свидетельствуют отдельные комментарии в «Письмах о путешествии»), носила сдержанный и осторожный характер. Теоретическое оформление немецкого вопроса было связано с пропагандистско-публицистической деятельностью Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова и Н. М. Каткова, которые являлись авторами «немецкого вопроса в России» как теоретического концепта (с 1848 г.) [7; 8]. И хотя первая критика в работах названных публицистов была направлена в адрес Остзейских немцев, предложенные первыми идеологами немецкого вопроса тезисы-обвинения постепенно приобрели географическую самостоятельность, а высказанные ими суждения на разных уровнях (бытовом, общественно-публицистическом, и порой государственном) всё чаще экстраполировались на всё немецкоязычное население Российской империи.

Тем не менее до середины 1860-х гг. власти достаточно четко придерживаясь колонизационных обязательств, следовали поопри- тельной тактике относительно различных колонистских групп. До 1866 г., времени принятия реформы государственных крестьян, колонизационное законодательство (кроме некоторых изменений относительно языка и национальной школы [54]) оставалось фактически неизменным. Монархия и её окружение оценивали перспективу германской угрозы как менее реальную, чем польскую (после восстаний 1831, 1863 гг.). По этой причине, например, в своей политике относительно римско-католической церкви в России Александр II, устраняя поляков, придерживался тактики поддержки немецкого элемент- та [22, с. 128–129]. Во времена правления Александра II какая-либо деятельность в духе радикального национализма властями не поощрялась.

Новое мировоззрение К. П. Победоносцева и новый курс 1880-х гг. Во второй половине 1860-х гг. мировоззрение Победоносцева переживает значительные изменения. Причину данных метаморфоз следует искать не только в личных, но и во внешних обстоятельствах. Как утверждает С. Л. Фирсов, фактором, кардинально

повлиявшим на формирование новых политических и нравственных взглядов политика, был выстрел в царя Александра II, произведённый поляком Дмитрием Каракозовым весной 1866 г. [51, с. 10]. Данное событие многих заставило задуматься о многом: цене реформ, привилегиях отдельных этнических групп, неравномерной легитимности, характере русской нации, которая в сплочённом виде могла бы противостоять революции и сохранить российскую монархию как гарант стабильности. Радикализация взглядов Победоносцева, а равно и некоторой части российского общества, в сторону консерватизма и национализма явилась прямым следствием страха перед революцией и сепаратизмом окраин. На этом, по выражению С. Ю. Витте, базировался «нигилизм» Победоносцева, добавим, в том числе и относительно межэтнических проблем в Российской империи [17, с. 281]. Всё внимательнее вчитываясь в публикации консервативного толка, Победоносцев окончательно принимает убеждения пронационалистически настроенных политиков. Как утверждает исследователь А. Ю. Полунов, «мировоззренческий сдвиг Победоносцева не был плодом холодного расчёта — за ним стояли человеческие эмоции и переживания. Он был всего лишь человеком, стремившимся к устойчивости, стабильности» [45, с. 44]. Любой отход от исторически сложившихся традиционных для России форм Победоносцев считал губительным для государства. Исходнозначность и противоречивость модернизации оценивалось им как социальная деградация.

После ранней смерти Николая Александровича, предполагаемого наследника Александра II (в 1865 г.), Победоносцев сближается со своим вторым учеником — великим князем Александром Александровичем, в лице которого он обнаружил близкого по духу человека: «Сердце у него русское» [11, с. 501]. В 1876 г. Победоносцев прочитал исследование Ю. Ф. Самарина «Окраины России», посвящённое изучению состояния помещичьего вопроса в Остзейском крае. Поправившемуся ему книгу учитель порекомендовал ученику. Это сблизило позиции Победоносцева и будущего императора по помещичьему вопросу [53, с. 39–40]. Не случайно современник событий Б. Э. Нольде высказывал мысль о том, что вся прибалтийская политика Александра III представляет собой осуществление программы, разработанной Ю. Ф. Самариним [2, с. 71]. В дальнейшем Победоносцев стал инициатором издания полного собрания сочинений Ю. Ф. Самарина и приобрёл все тома для своей личной библиотеки [57, с. 584].

Находясь под влиянием Победоносцева, постепенно впитывая его мировоззрение, цесаревич Александр Александрович начал критиче-

ски оценивать современные ему события и явления, включая либеральную национальную политику, проводимую его отцом. В 1869 г. он, например, с негодованием отзывался о факте увольнения виленинским генерал-губернатором А. Л. Потаповым (при поддержке Александра II) губернатора контр-адмирала И. А. Шестакова и попечителя учебного округа, которые, по мнению великого князя, были настоящими русскими патриотами [11, с. 514]. Победоносцев был вхож и в молодую семью Александра Александровича, поддерживая дружеские отношения с цесаревной и также имел на неё влияние [11, с. 505].

Александр III, который пришёл к власти в результате чрезвычайных обстоятельств, оказался в том числе и в непростых личных обстоятельствах. Случилась трагедия, которая изменила его ближайшие жизненные планы. После убийства отца Александр Александрович, несомненно, пугался в падёжном окружении — людях, которые излучали бы уверенность, преданность и стабильность. Таким убеждённым в своей правоте человеком оказался его бывший учитель — К. П. Победоносцев. Под его влиянием формировался новый политический курс Александра III. Взгляды своего наставника молодой монарх воспринял как политическую программу. В день трагической смерти Александра II К. Победоносцев пишет цесаревичу: «Вам достанется Россия смятённая, расшатанная, сбита с толку, жаждающая, чтобы её повели твёрдою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твёрдо, чего хочет, чего не хочет и не допустит никак...» [27, с. 50]. Победоносцев стал тем человеком с твёрдой рукой, который вместе с опытным и несколько растерянным монархом стал у руля управления государством. Даже после вступления на престол Александр III остаётся для Победоносцева «учеником». Политик пахотился с монархом в тесной переписке и просил личной аудиенции по любому поводу. Пост обер-прокурора Священного Синода приравнивался министерскому, и поэтому в обязанность Победоносцева входило представление царю официальных докладов. Случалось, что бывший наставник посещал Аничков дворец в полночь, что свидетельствует об особых привилегиях бывшего наставника [11, с. 527]. Не стоит сомневаться и в том, что император конечно же не был безучастен к отбору идеологических образов, и влияние Победоносцева объяснялось не только устоявшейся субординацией учитель-ученик, но и реально сложившимся на раннем этапе их общения родством взглядов.

К началу нового этапа в карьере идеологическое и политическое кредо Победоносцева было в целом сформировано. В 1881 г., остановив реформаторские намерения либералов (М. Т. Лорис-Меликова, А. А. Абазы, Д. А. Милютина), он с уверенностью развернул новую программу, не сомневаясь в успешности и правильности своей политики. Основные практические принципы нового курса состояли в усилении опеки государства над различными сферами социального бытия, отрицание саморазвития общества, которое Победоносцев рассматривал как путь к гибели, к хаосу толпы, отрицание реформаторского пути, внимание к кадровой политике [44, с. 120]. Несколько позднее, поясняя свою позицию, обер-прокурор напишет: «19 век — век преобразований. Но преобразования составляют и язву нашего времени. Ускоренное обращение анализирующей и преобразующей мысли... — парадоксизмы возбуждённой мысли» [34, с. 153]. Как полагал Победоносцев, одна из главных задач успешной политики состояла в том, чтобы «не допустить смешения языков и мнений» [33, с. 411]. Данный тезис следует интерпретировать в том числе и буквально, как подтверждение его националистической позиции.

Национализм Победоносцева. К тому времени, когда Победоносцев стал сторонником идей Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова, М. И. Каткова, концепция русского национализма была во многом сформирована, а именно, были определены сферы и объекты (этнические группы), которые подвергались мониторингу со стороны носителей данной идеологии: правовое положение нетитульных этнических групп, их религиозная и повседневная жизнь, культурное влияние на русскоязычное население, роль национального языка, контакты со страной-метрополией. В связи с этим нам предстоит определить, какое место в развитии российской националистической мысли занимает именно Победоносцев.

Одним из основных вопросов, который активно дискутировался в рамках русского националистического дискурса, был вопрос о роли колонизации и неравномерной легитимности различных этнических групп. В письме Александру III в октябре 1885 г. Победоносцев между прочим пишет: «...А на Руси ласкают только инородцев, инородцев, вообще людей, не отличающихся благонадёжностью и русским патриотизмом» [28, с. 74]. Эта традиция, как полагал политик, существует с начала XIX ст. Как писали А. Амфитратов и Е. Аничков, «в ряду его [Победоносцева] исторических симпатий первое место занимает Александр III. При нём, принявшим 8 марта 1881 г. взгляды Победоносцева как правительственную програм-

му, Победоносцев был всемогущ — почти как негласный диктатор Российской Империи» [1; с. 335]. «Кроме него», — продолжают авторы, «из всех Романовых он не уважал никого... Был холодно враждебен к Александру II и посвятил всю жизнь разрушению его реформ». Николай I политик обвинял в том, что он «бессознательно поступался русскими интересами во внешней и внутренней политике...» [1, с. 335]. Деятельность Александра I также не вызывала положительного отклика у Победоносцева за прозападнические взгляды императора: «И ум, и сердце несудержимо влекли молодого государя к возвышенной цели, но идсал, к которому применялись его стремления и планы, был не в России, а вне её» [33, с. 409]. Его же Победоносцев обвинял в толерантности по отношению к представителям титульных этнических и конфессиональных групп: «Не зная церкви православной, мечтал об уравнивании с нею всех вероисповеданий, и о безразличии церквей и вероучений; мечтал о восстановлении Польши, не зная истории, которая сказала бы ему, что царство Польское означает рабство и угнетение для всего русского народа» [33, с. 410]. В речи, посвященной первой годовщине смерти Александра III, произнесенной на заседании Русского исторического общества 6 апреля 1895 г., бывший наставник стремится представить почившего монарха как истинного русского патриота. Он утверждал, что, благодаря заслугам императора с чисто «русской душой», русское самосознание, основанное на националистических принципах, значительно выросло: «Все знали, что не уступит он русского, историей завещанного интереса ни на польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной; ... верует он в непоколебимое значение власти самодержавной в России, и не допустит для неё, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений» [33, с. 411].

Победоносцев, как близкое к императору лицо, сенатор и обер-прокурор, оказывал влияние на развитие немецкого вопроса в России. К началу 1880-х гг. немецкий вопрос в империи имел несколько источников развития. Изначально он проявился как «националистический концепт», обретший популярность в среде консервативной элиты благодаря деятельности Самарины и Аксакова. Постепенно он становится всё более заметным явлением в проявляющемся и социально расширяющемся общественном мнении Российской империи, формируясь как один из симптомов бытового национализма в условиях комплексной геополитической и модернизационной ситуации. Публикации о немцах всё чаще появляются в прессе, отражая

весь спектр позиций по данному вопросу: от консервативного («Новое время») до либерального («Голос», «Новая газета») [16, с. 76]. Характерно, что отследивая дискуссию, которая развернулась в публицистике, Победоносцев не высказывал своей точки зрения напрямую, то есть не делал официальных заявлений. При этом всё же его отношение к данной проблеме межэтнических взаимоотношений Российской империи достаточно четко прослеживается в теоретических публикациях и переписке. В условиях фактического отсутствия прямой и обратной связи между народом и властью корреспонденция была своеобразным диалогом, который политик вёл с определёнными, близкими ему по духу представителями общественности.

В одном из своих писем, сообщая Александру III о смерти Ю. Ф. Самарина, Победоносцев комментирует: «Самарин был действительно большим человеком и великого ума, и души великой, возвышенной, и русского сердца. Он сам собою стоял и держал своею силою многих. И перед своими, и перед немцами он был грозным представителем и русской веры, и русского ума и сердца, и наконец, русского образования...» [11, с. 510]. Высказывание автора «и перед своими, и перед немцами» является той «опиской и оговоркой» (по Фрейду), которые явно свидетельствуют о позиции Победоносцева в отношении к внутренней немецкой проблеме. Немцы – российские подданные – не воспринимались политиком как «свои», и в данном письме он ещё раз признаётся в своей приверженности взглядам Самарина, представленным в работе «Окраины России».

Немецкая проблематика всплывает в статье, посвящённой смерти И. С. Аксакова [26, с. 400–406]. Победоносцев пишет о влиянии славянофилов на формирование своего мировоззрения: «От них в первый раз явственно и разумно услышало наше сбитое с толку общество проповедь мудрости: познай самого себя, углубись в пропавшие судьбы страны своей и своего народа... Слово это было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма» [26, с. 402]. Оптимистов Аксакова Победоносцев называл «поверхностными умами», которые, не думая о сути, объясняют позицию Аксакова лишь одним из проявлений его мировоззрения – «национальным предрассудком и узким чувством ненависти к немцам» [26, с. 403].

После реформ унификации 1871, 1874 гг. некоторой правовой трансформации неизбежно должны были подвергнуться западные регионы Российской империи. На Волыни продолжались активные процессы переселения из Царства Польского, которые привели к росту

немсцкоязычного населения в регионе [19, с. 38–53]. Местные власти и землевладельцы, будучи недовольными данными обстоятельствами, инициировали ряд антинемских законодательных актов. В 1885 г. императором была создана комиссия для разработки мероприятий по приостановлению наплыва иностранцев в юго-западные губернии. В результате деятельности данной работы были разработаны указы поября 1886 г. (право выдачи свидетельств о покупке земли передано генералу-губернатору края), марта 1887 г. (о запрещении иностранным подданным владеть недвижимым имуществом в пределах западных и юго-западных губерний), октября 1887 г. (о передаче национальных школ Министерству народного просвещения), июня 1887 г. (об обязательном включении иностранных переселенцев в состав местных сельских и городских товариществ) [19, с. 38–53]. Кроме этого, в 1887 г. в штабе Киевского военного округа была составлена карта военных поселений, которая показала, что в случае военного конфликта их расположение составит угрозу безопасности государства [19, с. 47]. В связи с обсуждением законопроектов тема колонизации в целом продолжает дискутироваться как общественностью, так и учёными. Например, Б. В. Чичерин, консерватор, правовед, предшественник Победоносцева на преподавательской службе в царской семье, в письме обер-прокурору утверждал, что колонизация не является необходимой для государства программой и мерой развития сельского хозяйства отдельных территорий: «Настоящая задача состоит не в том, чтобы колонизовать новые земли, а в том, чтобы улучшить хозяйство на местах...» [55, с. 60].

Законы, принятые относительно юго-западных губерний, нашли позитивный отклик в среде российской общественности. В 1887 г. один из корреспондентов Победоносцева, П. А. Богомолов, рассуждая о готовящемся законопроекте относительно земельной собственности немцев, не являвшихся российскими подданными, писал: «...Проектируемый закон будет встречен массой русского народа с радостью и сочувствием... А в данную минуту настоятельно необходимо поднять угнетённый оскорблённый и взволнованный народный дух... Закон о будущем законопроекте будет достойным и величавым ответом России своим западным недругам: он будет для всех русских мощным призывом царя к спокойному доверию». И далее: «Действительно, чем может Россия оплатить Берлину и Вене за явное злорадование по поводу кровавой потехи в Болгарии, за исцужские вызовы и науськивания...» [5, с. 323–324]. Победоносцев, как член Государственного Совета и Правительствующего Сената, при-

нимающий участие в обсуждении важнейших государственных проблем, воспринимал подобные письма как свособразное подтверждение правильности курса и санкцию на его продолжение.

Бдительный и всевидящий Победоносцев вмешивался в конфликт между И. С. Кахановым, вилнским, ковельским и гродненским генерал-губернатором (1884–1893) и М. П. Катковым, с одной стороны, а также Сенатом и великим князем Михаилом – с другой [43, с. 321]. Пронационалистически настроенный Каханов до назначения на новую должность, которую он принял у старшего Э. Тотлебена, имел немалый опыт государственной деятельности: занимал пост петровского (Царство Польское) губернатора, был награжден бронзовой медалью за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг., получил монаршую благодарность за установление должного порядка в Вильно (1884). Победоносцев относился к нему с явной симпатией. Поясняя суть конфликта в письме к обер-прокурору, Каханов писал: «Всмотревшись [после вступления на должность] в положение дел, обратил внимание, что не только в правительственных учреждениях, но и вообще в целом край, несмотря на существующие указы, находится много поляков на службе и владельцев земельной собственности, и находя такое положение вредным и мешающим *обрусению* Литвы, Волыни и т.д., подумав, написал меморию в Правительствующий Сенат, в которой описывая положение вещей и просит меры к устранению существующего порядка, вместе с тем подробно формулировал несколько параграфов, на основании которых поляки раз и навсегда должны быть удалены из края и лишены права пользования земельной собственностью» [20, с. 104–105]. Однако великий князь Михаил признал её образцом нелогичности, злости и безрассудства, вредным не только в экономическом отношении, не только для края, но и для государства в целом [20, с. 104]. Когда Каханов сообщил о случившемся Каткову, публицист публично, со свойственным ему радикализмом назвал сенаторов предателями. Оскорбленный князь обратился к государю с требованием показать публициста, однако после того как в дело вмешался Победоносцев, Сенат получил от монарха не поддержку, а строгий выговор. Сам обер-прокурор также поддерживал позицию Каханова, поскольку считал Вильно, как он выразился в письме министру внутренних дел графу Д. А. Толстому (1883 г.), «истинным центром польщины и её деятельности, систематически разрастающейся» [20, с. 105]. Последствием данных событий стал указ 12 января 1885 г. относительно приобретения в собственность, отдачи в аренду и приё-

ма в залог земельной собственности, расположенной вне городов и местечек 9 западных губерний, который коснулся, в том числе, и немецкоязычного населения [20, с. 105].

Межэтнические проблемы Российской империи Победоносцев воспринимал весьма упрощенно. Подобно другим представителям националистического дискурса, в этнических группах с высоким уровнем самоорганизации, этнического самосознания и культурной устойчивости (поляках, евреях, немцах), он видел конкурентов и внутренних врагов. Фиксируя и признавая внутреннюю генетическую связь между множеством этнических проблем, так называемых «вопросов», включая польский и еврейский, Победоносцев не сумел дойти до сути истинных объективных причин проблем, обвиняя в их возникновении, ненаприотизме и враждебном отношении к монархии самих представителей названных этносов, интерпретируя обстоятельства с истинно националистических позиций. Так, в письме к Е. Тютчевой политик писал: «Я не имею никакого сомнения, что весь пышный террор, как и террор 1862 г.: тот же польский заговор, только придуманный искусством прежнего, и наши безумные, как всегда, идут, как стадо баранов... Главным сознательным орудием служат жидаы – они ныне повсюду первое орудие революционеров» [45, с. 46]. Таким образом, не осознавая истинных причин данного своеобразного протеста представителей этнической группы (евреев) – протеста против состояния неравномерной легитимности... обер-прокурор выдвигает обвинение в адрес евреев за выступление против законной власти. В декабре 1890 г. Победоносцев с возмущением сообщает императору о правозащитных мероприятиях, проведенных в Лондоне в связи, как он выражается, с «мнимым гонением будто бы на них [евреев] со стороны русского правительства» [30, с. 502]. Политик называет «чистейшим психопатом» русского философа В. Соловьёва, который организовал митинг в поддержку евреев в Москве. Он также неодобрительно отзывается о поступке Льва Толстого и некоторых «бесхарактерных профессорах университета», которые подписались под обращением, составленным в адрес императора [30, с. 502].

Этнический национализм и всяческие проявления этнического самосознания Победоносцев испытывал проявлением «племенных инстинктов»: «Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание

иметь своё самостоятельное управление со своею, не редко мнимую, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю, и в прошлом своём, отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особою политической жизнью». На пробуждение этнического самосознания, как полагал обер-прокурор, повлияло «наибольшее зло и наибольшая ложь» времени – демократия. В 1896 г. он напишет, что для Российской империи демократия стала причиной потрясений: «...В ней – источник великой и сложной борьбы, которая предстоит ещё в истории человечества, и которая несведомо к какому приведёт исходу» [35, с. 109–110].

Что же способно противостоять «разгулу» этнической стихии? Консерватор-Победоносцев отвечает на данный вопрос вполне предсказуемо: монархия ранее «примирила все эти требования и порывы, – и не одною только силою, но и уравнием прав и отношений под одною властью» [35, с. 110]. Однако в условиях демократии, как убеждён Победоносцев, власть не способна справиться с проявлениями межэтнических конфликтов, и по этой причине демократия особенно вредна для империй: «Плачевные результаты системы представительства обнаруживаются там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но включает в себя разнородные национальности» [35, с. 110]. Таким образом, поясняет обер-прокурор, «национализм ... можно назвать пробным камнем», демонстрирующим непрактичность парламентской системы. В отсутствии тотального контроля «племенные инстинкты» противостоят не только «господствующему племени, но и к другим племенам» [35, с. 110], что является источником непримиримой розни.

Протестантизм и миссионерство в оценке Победоносцева. Победоносцев актуализирует и насыщает национализм и концепцию «исмеяемого вопроса» ещё одним проблемным составляющим. Он оценивает систему межэтнических отношений как обер-прокурор Священного Синода, убеждённый сторонник государственной церкви, для которого национальное определялось конфессиональным.

Победоносцев был врагом всякого либерализма, в том числе и в сферах конфессионального. Он полагал, что вопросы веры и все представленные в империи конфессии должны находиться в зависимости и под присмотром государственной машины. Возглавляя ведомство, которое выполняло данную функцию, он отстаивал сформулированную им концепцию православного государства, единства народа и монархии, рассматривая данный союз как благо для импе-

рии и основу её стабильности. Победоносцев считал исповедательным в условиях персходности лишать государство его религиозной опоры, которую возможно было использовать как способ эффективного воздействия на массы. В целом патриархальность, по Победоносцеву, была символом стабильности [51, с. 12].

В разделе «Церковь и государство» «Московского сборника» (1896) обер-прокурор пояснял, что система государственной церкви состоит в том, что власть выделяет одну конфессию и оказывает ей покровительство: «государство тем сильнее, и тем более имеет значение, чем явственнее в нём обозначается представительство духовное... доверие массы народа и правительства основано на вере» [35, с. 89]. Победоносцев считает вполне логичным, что при системе государственной церкви «чужие вероисповедания подвергаются некоторому, более или менее значительному умалению в чести, праве и имуществе» (написано в 1896). Обер-прокурор признаёт, что в настоящее время сохранять предлагаемый им порядок вещей достаточно сложно. Причиной тому является «западное влияние», изменения в Европе конца XVIII ст., которые привели к «системе уравнивания христианских вероисповеданий в государствах, с устранением однако из этого равенства сектантов и ересей» [35, с. 89]. Судя по всему, Победоносцев намерен был сделать всё возможное, чтобы не допустить подобного «уравнивания» в России.

Основываясь на собственных представлениях о благе для России, Победоносцев считал необходимым отескать все возможные источники конфессиональной альтернативы, в связи с чем развернул решительную борьбу с поликонфессиональностью: конкурирующими церквями, проявлениями язычества, протестантским миссионерством. Ратуя за единство России, обер-прокурор торопил формирование её религиозной самобытности — подталкивал распространение православия и русской культуры мерами государственного принуждения. Обратной стороной данных мероприятий были репрессии против иноземцев и инаковсующих.

Излагая свою позицию в разделе «Вопросы жизни» «Московского сборника», обер-прокурор убеждал, что вопрос о веротерпимости — неразрешимая проблема для общества: «На деле веротерпимости не существует... Опыт показывает, что мнимое равнодушие ко всякой вере переходит в отрицание веры» [31, с. 421–422]. Религиозная терпимость, следовательно, может быть только там, где власть вообще безразлична к религии. Для Победоносцева такой подход был неприемлемым: «Где нет веры, там не на чём утвердить чувство долга и

сознания ответственности. Религия есть правило жизни... духовный авторитет [31, с. 437].

Ис без влияния Победоносцева в сферу мониторинга, критики и преследований российского национализма были включены протестантские конфессии. Политик утверждал, что православие и протестантизм – всенеприимные, поэтому исповедывающие эти религии народы едва ли способны понять друг друга: «В протестантском храме, в протестантском веровании холодно и неприятно русскому человеку» [38, с. 212].

Важнейшим тезисом, который Победоносцев внёс в систему идеологии национализма, был тезис о связи конфессионального и национального. Обер-прокурор утверждал, что религия и национальный характер определяют друг друга: «И в чём так явственно как в церкви не ощущается различие между общественным духом и складом племени» [38, с. 212]. Несколько ранее, в письме Тютчевой (1881 г.), политик писал: «Вера есть чувство, объёмлющее массы, чувство стадное, притом – чувство цельное. Раздробившись по национальностям, вера сливается с национальностями» [39, с. 185]. Являясь приверженцем славянофильской концепции, проблему сосуществования этносов он видел во взаимодействии натур-характеров, формирование которых находится в зависимости от исповедуемого этносом вероучения. Таким образом, Победоносцев рассматривал определённую религию в её связи с национальностью: русских с православием, поляков – с католицизмом, немцев – с протестантизмом [59, р. 118].

На страницах своего памфлета Победоносцев убеждал русского читателя, что различие в вероучении и, следовательно, в характере является важнейшим препятствием для взаимопонимания различных этнических групп: «...Никогда не бывало и не может быть ничего подобного тому презрению, с которым строгий лютеранин смотрит на непонятные для него, но для нас исполненные глубокого духовного значения принадлежности нашей церкви и свойства нашего верования» [38, с. 211–212]. Протестанты не разделяют формальности и обрядности богослужения, традиционных для православия, «ничто столько не возмущает лютеранина в нашей церкви как поклонение св. мощам» [38, с. 219]. И далее: «в разностях обряда выражается глубокая разность духовного представления» [38, с. 219].

В чём же состоит данная «разность»? Победоносцев рассуждает о связи различных религий с особенностями психологического портрета их приверженцев. Протестантизм, по Победоносцеву, является вероучением, «пригодным» лишь для определённых народов: «До-

стоинства протестантизма достаточно выяснились в истории германского и англосаксонского племени» [38, с. 211]. Он поясняет, что пуританский дух создал Британию, а протестантское начало «привело Германию к силе, к дисциплине и к единству». Но у протестантов обер-прокурор находит один важнейший недостаток: «они слишком склонны уверовать в собственную правду и увлечься до гордого поклонения своей правде и до презрения к чужому верованию, которое отождествляют с неправдой» [38, с. 211]. В разделе «Идеалы неверия» «Московского сборника» Победоносцев констатирует, что «истержимость к чужой вере и чужому мнению никогда ещё не выражалась так решительно», как у выразителей «радикальных и отрицательных учений», и она «ужаснее старинной религиозной истержимости» [36, с. 184]. В другом очерке «Московского сборника» обер-прокурор продолжает: «Это презрительное отношение к прочим верованиям, может быть, несознательно проявляется в протестантизме, но оно слишком ощутимо для иноверцев» [38, с. 89]. Тем самым политик формирует в сознании российского общества образ личности-представителя протестантского вероисповедания, для которого, в изображении обер-прокурора, свойственны чувства истержимости, высокомерия, отчуждённости и враждебности к представителям других религиозных групп. В данную категорию попадали и немцы-лютеране, и меннониты.

По Победоносцеву, враждебность религий и «враждебность церквей» [39, с. 185] определяет враждебность их адептов. Человека вне религии не существует, следовательно, человек, исповедующий «свою» религию и не признающий другую, так же враждебно будет относиться к народу – носителю альтернативного учения. Данная логика обер-прокурора вела к бесперспективным выводам. Она разоблачала пароды, отрицала возможность мирного сосуществования иноконфессиональных этносов в рамках одного государства.

Продвигаясь дальше в своих рассуждениях, Победоносцев указывает, что «враждебность» между конфессиями приводит не только к культурным, но и политическим последствиям. В письме к Е. Ф. Тютчевой (1881 г.) обер-прокурор писал: «Всякое вероучение, особенно в смысле церкви, стоит враждебным лагерем против другого вероучения. Притом, когда церковь соединяется с национальной паствой или, как бывает ещё, с политической партией – то к целям духовной пропаганды применяется столько же, или ещё более цели пропаганды политической и национальной» [39, с. 185]. Как следует из данных рассуждений, альтернативные церкви в го-

сударстве представляют не только мировоззренческую, но и политическую угрозу для общества. Данный тезис Победоносцева, вначале сформулированный на частном уровне, в дальнейшем становится программой его политической деятельности. Настоящим патриотом, по Победоносцеву, может быть только русский православный подданный. В связи с этим обер-прокурор предостерегает: «К чему может привести свобода вероисповедания? К тому, что наши враги отхватят у нас массами русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами и прочим -- и мы потеряем их навсегда для церкви и для отечества [утратим патриотов]» [30, с. 185].

Тезисы Победоносцева, произносимые с самой высокой политической трибуны, влияли на характер межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений в государстве. Как свидетельствовал современник событий С. М. Волконский (1860–1837), статский советник, режиссёр, критик, мемуарист, «только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным». И далее главное: «Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадёжность» [9, с. 55].

Чем же опасны были протестанты для России? Отвечая на данный вопрос, Победоносцев исходит, в том числе, и из теолого-мировоззренческих доводов. Он, например, напоминает, что «в протестантизме и православии по-разному решается вопрос: что важнее вера или дело? Протестанты отвечая на данный вопрос, выбирают деятельность» [38, с. 205–206]. Видимо, деятельная природа протестантизма внушала настоящий страх Победоносцеву. Протестантизм – культурный продукт западной цивилизации – вносит дестабилизацию в идеальный православный образ России, созданный в воображении политика. Как убеждён Победоносцев, каждое общество создаёт свой «мир», свою внутреннюю гармонию и не должно заимствовать идеи извне. Отчасти, католики и протестанты рассматривались им как посетители вредной для России демократической культуры, которая являлась порождением враждебной для империи западной цивилизации [59, р. 99]. Это убеждало Победоносцева в необходимости противостоять вестернизации, которая неизбежно принесёт в Россию разрушительные для неё явления.

Религиозное брожение своей эпохи обер-прокурор характеризовал как «несвежесть масс и подстрекательство извне». Причины появления новых конфессиональных групп (сект) объяснял «упадком религиозного чувства .... с отрицанием предания, закона, принятых начал нравственности» [36, с. 175]. Отношение к «конфессионально

колеблющимся» было неблагожелательным. Вопросы о «раскольниках», то есть о всерукопных, отошедших от православия, рассматривались в России уже с 1861 г. [18, с. 268]. Однако во времена Александра II религиозные группы, которые позднее стали именовать сектами, существовали относительно свободно. Их порой привлекали к суду, но обвинения против них часто признавались несостоятельными, поскольку судьи видели в этих обвинениях неуважение православных священнослужителей к духовным потребностям людей [60, с. 78–81]. В 1879 г. правительство предоставило баптистам правовой статус конфессии с правом поддержания общины и проведения богослужений. Поскольку этот закон не разделял группы, сформированные под влиянием русского и немецкого баптизма, то к ним обоим относились весьма толерантно. В 1882 г. данные положения были сохранены для применения лишь по отношению к немецким баптистам, проживающим в колониях [59, р. 118].

В письмах 1882 г. Д. Толстой сообщал царю и Победоносцеву о готовящихся законодательных изменениях: в результате разбирательств «предполагается дать известные права только одним, наименее вредным сектам» [50, с. 38]. Старообрядцам было отказано в их просьбе о распечатывании алтарей на Рогожском кладбище, было сорвано признание старообрядческой синархии Константинопольским патриархом. Русским баптистам запретили молитвенные собрания, то есть поставили их движение вне закона [45, с. 49]. Ещё с 1881 г. Победоносцев запретил баптистам иметь свой катехизис, ввёл цензуру на все религиозные издания [59, р. 98]. С 1884 г. обер-прокурор начал суровую борьбу со штиундизмом. Штиундо-баптисты обращались к Победоносцеву со своими многочисленными петициями, но они оставались без ответа: обер-прокурор умел бойкотировать не только письма, но и людей, когда они были ему неудобны.

С другой стороны, укрепляя свою позицию, Победоносцев пытался пробудить активность православного духовенства. С середины 1880-х гг. по его инициативе были восстановлены соборы православных епископов. Первый из них, проведённый в 1884 г. в Кисеве, обсуждал проблему усиления сектантства в юго-западных синархиях [46, с. 22–33]. Предписание о борьбе с сектантством было издано в 1889 г. [46, с. 30].

Определённые усилия по активизации политики православия проводились К. Победоносцевым в Прибалтике. Поэт К. К. Случевский, служивший чиновником по особым поручениям при Министерстве государственных имуществ, после возвращения из поездки по запад-

ным губерниям (описал подробно в работе «По ссеверо-западу России», 1886), обращается с письмом к Победоносцеву, в котором поддърживает пабподасную им в крас политику на усиление православия [48, с. 203–205]. Как известно, в Прибалтике были развёрнуты репресии против пасторов, совершающих требы для формально приписанных к православию. В 1890-е гг., по данным властей, в регионе числилось 15 тыс. «упорствующих» бывших лютеран [45, с. 50]. В Западном крас облагали штрафами, конфисковывали имущество, сажали под арест и высылали бывших униатов, обращавшихся за требами к ксеппзам. Известный факт, что в Литве, как, впрочем, и в Холмской Руси во времена Победоносцева ксеппзов лишали прихода и подвергали гонениям за молитву над умершим католиком [1, с. 338]. Обер-прокурор также не оставил без внимания вопросы влияния православия за пределами России, например в Болгарии, опасаясь, что данное государство также «подвергается притязаниям католической церкви» [16, с. 83]. Комментируя свою политику, Победоносцев писал: «Всякая уступка с нашей стороны, хотя бы во имя формальной справедливости, становится победным успехом для противной стороны» [45, с. 50].

Миссионерство протестантских церквей, по Победоносцеву, сродни «вражеской деятельности», и посему православие следует защитить «от целой армии дисциплинированных врагов... – всяких всроисповедальных пропагандистов, которые, пользуясь простотою народною, бездействием правительства, условиями пространства и бедной культуры, врываются, как волики, в наше стадо, не имющее достаточно пастырей» [39, с. 186]. И далее: «...Вместе с тем раскол есть у нас, теперь в особенности, политическая партия, и весьма опасная» [39, с. 186]. Победоносцев обвиняет миссионеров в преднамеренном обмане народа: «Как бессовестно соблазнить простую душу, в которой есть только чистое, незапятанное поле религиозного чувства» [36, с. 175]. И далее: «Простая душа была душа смиренная: сектанство возводит её на высоту гордости – свою особливую верой, а веру вмещает в узкую рамку сектантской формулы» [36, с. 175–176].

Опасаясь расширения влияния протестантизма, которое исходило из немецких колоний, в отчёте о развитии штунды «Обзора деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III» Победоносцев писал: «От немцев ждут они [штундисты] освобождения от того мнимого политического и социально-экономического гнёта, в котором будто бы держит их правительство православной России» [1, с. 363]. В разделе

«Новая вера и повые браки» предупреждает, что новая вера (сектантство) приведёт «к помрачению» общества [37, с. 18]. И действительно, и без того «помрачённое общество» по-настоящему вторит Победоносцеву. В одной из херсонских газет находим весьма симптоматическое определение: «Штуудисты — это те, кто подражает немцам» [59, р. 105]. Данное заключение является своеобразным звеном между пропагандой властей и читателями, которое (возможно) прозвучало как своеобразный призыв к действиям против инакомыслящих. В газетах появились сообщения о насилии над женщинами-штуудистками, информация про избиение штуудистов в Уматьском, Херсонском уездах, об убийствах в с. Вязовок Киевской губернии [1, с. 363].

В 1888 г. президент Европейского Евангелического союза, осведомлённый о проводимой в России религиозной политике, обратился к Александру, убеждая царя предоставить России религиозную свободу. Император переслал письмо Победоносцеву, на которое обер-прокурор ответил: «Нигде в Европе различные религии не получают удовольствия от такой полной свободы, как это происходит в среде русского народа. Европа этого не признаёт. Во-первых, как описано в Ваших законах, она имеет неограниченные права на неограниченную религиозную пропаганду. Это главная причина ваших притеснений в законах против тех, кто отвергает православных от нашей религии... Россия получает жизненные силы от православия, это её священная обязанность защищать церковь от всего, что разрушает общество — обязанность, которая стала существующим условием существования России как нации» [61, с. 514–515].

Тем не менее Победоносцев верит в силу православия и возможность его воздействия даже на такие культурно зрелые и культурно стойкие этнические группы, какими были немцы. Он рассуждал, что «иногда немец, долго проживший в России, бессознательно привыкает верить по-русски и в русской церкви чувствует себя дома» [38, с. 205]. 12 марта 1892 г. Победоносцев пишет императору о новой книге пастыря берлинской православной церкви Алексея Мальцева «Всенощное бдение». Он сообщает, что публикация «произвела сильное впечатление в Германии и в Англии, ознакомив многих с красотами нашего богослужения, а в Потсдаме привлёкает множество немцев присутствовать при совершении нашей литургии... Этот достойный пастырь [Мальцев] поистине приносит честь нашей церкви и русскому имени в Германии...» [29, с. 525]. Столь позитивная рецензия вызвана тем, что в авторе данной книги обер-прокурор

находит единомышленника и некоторое косвенное подтверждение своим по-настоящему про-русификаторским планам, которые, несомненно, не учитывали объективных культурных обстоятельств и ставили перед российскими властями искусственные и, как показала история, недостижимые цели.

Таким образом, контрреформы 1880–1890-х гг., в том числе и по вопросам конфессионального и межэтнического регулирования [6; 15], проведенные при негласном участии и поддержке Победоносцева, более чем какие-либо другие, проводились по сценарию русификации. Поражение данной программы было закономерным и едва ли могло привести к тем результатам, на которое были нацелены монарх и его окружение. В период правления Александра III «пемецкий вопрос», вбирая элементы «антиколонистского сознания» и расширяя конфессионально и территориально область критики (от католических общин к меннонитским и лютеранским), превращается в устойчивый элемент российских общественно-политических настроений. Колонистофобия и пемецкий вопрос в 1880–1917 гг. были темой постоянных общественных дискуссий, что, как известно, достаточно показательным проявилось в публицистике. Внутриполитические и геополитические факторы подогревали и взаимно влияли друг на друга, поднимая градус межэтнических взаимоотношений в целом. В условиях государственного национализма данные настроения в целом обострились.

Имение роли и места националистических концепций в российской повседневности не остались незамеченными не только соотечественниками, но и иностранцами. Английский корреспондент Э. Диллон сравнивал национальную политику Александра III с «отталкивающей» деятельностью Якова II [13, с. 268]. Г. Л. Фон Швейниц, посол Германии в России (1876–1893), в мае 1881 г. замечал: «Для меня же наиболее важным предметом в моих размышлениях является вот что: в делах внутренних император во всем следует советам Победоносцева и московских политиков Каткова и Аксакова» [56, с. 175]. Оценивая внутреннюю политику Александра III, П. А. Валуев в беседе с тем же Швейницем заявлял: «Я слишком европеец, поэтому никак не могу согласиться с идеей насильственной русификации» [56, с. 174–175]. Таким образом, применение понятия русификации к правлению Александра III и курсу Победоносцева принадлежит современникам тех далеких событий.

С осуждением политики, за проведение которой нес ответственность Победоносцев, выступил В. Соловьёв. Считая заблуждения

Победоносцева «искренними», а самого политика человеком «позлонамренным», философ тем не менее писал: «Политика религиозных преследований и насильственного распространения казённого православия, видимо, истощила бесчисное долготерпение и пачинает паводить на нашу землю египетские казни. Между тем со всех сторон от Восточной Сибири и до Западной окраины Европейской России идут вести, что эта политика не только не смягчается, но ещё более обостряется. Миссионерский съезд в Москве с пёвым пиизмом провозгласил бессилие духовных средств борьбы с расколом и сектантством и необходимость светского меча... Одумайтесь, обратитесь к себе и помыслите об ответе перед Богом» [49, с. 530].

Как известно, подобные обращения мало повлияли на обер-прокурора и характер его деятельности. Победоносцев оставался непреклонным и абсолютно убеждённым в правоте проводимой им политики. Некоторое отражение и подтверждение своим собственным мыслям прокурор находил в письмах многочисленных корреспондентов, которые давали позитивную оценку курсу обер-прокурора. Особенность психологической ситуации Победоносцева состояла в том, что ему писали примушественно те, кто разделял его позицию. Это создавало мнимую видимость общественной поддержки, представляло ему пекий «мапдат» на продолжение выбранной им политики [12; 21].

Как известно, Победоносцев так и не подал прошение об отставке. Утратив со временем политическое влияние, он вынужден был с болью и тоской наблюдать, как прорастают и получают поддержку в России те явления, против которых он вёл непримиримую борьбу. Революция 1905 г. открыла дорогу парламентаризму, предоставила религиозную свободу. Наступала новая эпоха, иные времена, применялись иные правила политической игры, которые Победоносцев, дожив до 1907 г., так и не принял. Он не признал законов нового времени, и, оказавшись на обочине политических событий, был отвергнут эпохой и обществом, подавленный, забытый и упоминаемый современниками и ближайшими поколениями политиков лишь в негативном контексте.

Выводы. В системе российского национализма личность и деятельность Победоносцева занимает особое место. «Эпоха Победоносцева» делит историю националистического дискурса на два больших периода – творческого осмысления и практического воплощения. До начала 1880-х гг. национализм был всё ещё достаточно слаб, и его энергетический ресурс, сдерживаемый пролиберальным

курсом Александра II, был направлен преимущественно на сферу общественного мнения. Проведённые властями реформы относительно изменения положения колонизационных групп провозглашались унификационной мерой и, по крайней мере официально, не несли в себе открытых националистических лозунгов. С началом правления Александра III и воплощением новой политики К. П. Победоносцева национализм обретает форму государственной идеологии, которая становится основным ориентиром в сфере межконфессионального регулирования. С этого периода все виды национализма (национального (бытового, стихийного) и государственного) получили официальную поддержку.

Данная политическая метаморфоза связана с радикализацией позиции консервативной части общества (частью которого и был Победоносцев), что явилось следствием общественной психологической травмы, вызванной сложностями переходного модернизационного периода. В некотором смысле, Победоносцев – синдром «напуганной» реформами и терроризмом России. Его теоретические работы и практическая деятельность выражали мысли, эмоции, сомнения и страхи той части российского общества, которая пессимистически и негативно интерпретировала опыт эволюции России. Предложенный Победоносцевым метод консервативной стабилизации империи для многих казался самым действенным способом наведения порядка.

Являясь политиком-практиком, Победоносцев тем не менее может рассматриваться как один из идеологов национализма. Будучи изначально пользователем и продолжателем концептов, представленных в трудах Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова, отчасти М. И. Каткова, он тем не менее дополнил теорию некоторыми важными и перспективными с точки зрения дальнейшего развития идеологии положениями, связав националистический подход с конфессиональным. Его усилиями в сферу мониторинга национализма были введены протестантские общины и другие конфессиональные группы (секты), сформированные под влиянием ранее признанных в Европе и России протестантских церквей.

Исходя из собственной теории православного государства как гаранта стабильности, он рассматривал миссионерство протестантских групп как проявление «вражеской деятельности», всячески преследовал конфессиональное инакомыслие, стремился к утопическому идеалу создания конфессионально унитарного православного государства. По этой причине Победоносцев был единственным теоретиком, который не создал своей концепции консолидации «россий-

ской пации». Он также может быть назван единственным теоретиком национализма, чья концепция носила русификаторский характер. По понятным причинам, его модель была нежизнеспособна: не могла достичь полного воплощения, а вера гонимых от преследований лишь укреплялась. Силловые меры способны были принести только кратковременные результаты, но не выполняли задачу формирования патриотов. В результате центробежные тенденции и конфессиональная дифференциация усиливались, отодвигая идеал православного государства на непреодолимое расстояние.

Как и всякая националистическая теория (в России они были объективно направлены на разобщение), политика Победоносцева велась к фактически необратимым последствиям, которые русский философ В. Соловьёв предвидел и пояснял следующим образом: «Величайшая опасность в религии и политике состоит в допущении злых путей и средств хотя бы для самых лучших целей. С переменною поколениями цели меняются, а привычка к злему способу действий остаётся и усиливается, как наследственная болезнь» [44, с. 122–123]. Дальнейшее развитие российского национализма в начале XX ст. развивалось по данному, разрушившему Российскую империю, сценарию.

Библиографические ссылки

1. Амфитеатров А. Победоносцев / А. Амфитеатров, Е. Личков // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 335–348.
2. Андреева И. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. / И. С. Андреева – СПб. : Издат. Дом «Мир», 2008. – С. 71.
3. Бердяев И. А. Нигилизм на религиозной почве / И. А. Бердяев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – 576 с.
4. Бердяев И. А. Победоносцев и Лепин / И. А. Бердяев // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 536.
5. Богомолов А. – Победоносцеву К. П. (26 февраля 1887) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 2. – С. 323–324.
6. Боханов А. И. Император Александр III / А. И. Боханов. – М. : Русское слово, 2001. – 512 с.
7. Венгер Н. В. Проблеми реформування іноземних колоній та ідея єдності російської нації М. П. Каткова: біля витоків російського націоналістично-

го дискурсу / П. В. Венгер // Вопросы германской истории : сб. научн. трудов. – Днепропетровск : Изд-во ДПУ, 2010. – С. 30–50.

8. *Венгер П. В.* «Німецьке питання» в оцінці І. С. Аксакова та Ю. Ф. Самаріна: діалог з російським суспільством у десятиліття «великих реформ» (1860–1870) / П. В. Венгер // Вопросы германской истории : сб. научн. трудов. – Днепропетровск : Изд-во ДПУ, 2011. – С. 30–52.

9. *Волконский С. М.* Мои воспоминания / С. М. Волконский. – М. : Искусство, 1992. – Т. 2. – С. 55.

10. *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев: Материалы для биографии / Б. Б. Глинский // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 6–17.

11. *Готье Ю. В.* К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович / Ю. В. Готье // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 501–527.

12. *Дервиз П. Г.* фоп – Победоносцеву К. П. (26 мая 1881 г.) // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 106.

13. *Диллон Э.* – Александр III / Э. Диллон // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2001. – С. 268.

14. *Екатеринославская губерния* / сост. В. Павлович. – СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1862. – 358 с.

15. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. / П. А. Зайончковский. – М. : Наука, 1964. – 200 с.; Его же. Российское самодержавие в конце XIX века. – М. : Наука, 1970. – 267 с.

16. *Игнатъев* – Победоносцеву (май 1881) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 76.

17. *Катков М.* – Победоносцеву К. П. (май 1882) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 281.

18. Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 268.

19. *Костюк М.* Німецькі колонії на Волині (XIX – поч. XX ст.). – Тернопіль : Підручники і посібники, 2003. – 384 с.

20. *Каханов И. С.* – Победоносцеву К. П. (январь–февраль 1885) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 2. – С. 104–105.

21. *Копейкина А.* – Победоносцеву К. П. (1887) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 2. – С. 338–343.

22. Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России / О. А. Лиценбергер. — Саратов : Поволжская акад. гос. службы, 2001. — С. 128–129.

23. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния : в 2 ч. / [сост. А. Шмидт]. — СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1863. — Ч. 1. — 601 с.

24. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния / [сост. Герсманов]. — СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1849. — 400 с.

25. Милюков П. И. Воспоминания / П. И. Милюков. — М. : Современник, 1990. — Т. 2. — 448 с.

26. Победоносцев К. П. Аксаковы / К. П. Победоносцев // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. — М. : Русская книга, 2001. — С. 400–406.

27. Победоносцев К. П. — Александру III (1.03.1881) // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. — М. : Русская книга, 2001. — С. 50.

28. Победоносцев К. П. — Александру III (ноябрь 1885) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты : в 2 т. — Минск : Харвест, 2003. — Т. 2. — С. 74.

29. Победоносцев К. П. — Александру III (12 марта 1892) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. — Минск : Харвест, 2003. — Т. 2. — С. 525.

30. Победоносцев К. П. — Александру III (декабрь 1890) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. — Минск : Харвест, 2003. — Т. 2. — С. 501–502.

31. Победоносцев К. П. Вопросы жизни. Свобода совести и терпимость / К. П. Победоносцев // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. — М. : Русская книга, 2001. — С. 421–422.

32. Победоносцев. Вопросы жизни. Вера / К. П. Победоносцев // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. — М. : Русская книга, 2001. — С. 437.

33. Победоносцев К. П. Государь император Александр Александрович / К. П. Победоносцев // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. — М. : Русская книга, 2001. — С. 411.

34. Победоносцев К. П. Московский сборник. Болезни нашего времени / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. — СПб. : РХГИ, 1996. — С. 80–276.

35. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 109–110.

36. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. Вера / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 80–276.

36а. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. Идеалы неведения / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 80–276.

37. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. Новая вера и новые браки / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 80–276.

38. *Победоносцев К. П.* Московский сборник. Церковь / К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 80–276.

39. *Победоносцев К. П.* Письма к Е. Ф. Тютчевой (20 декабря 1881) // Рerа времени. – М. : Эллис Лак, 1995. – 200 с.

40. *Победоносцев К. П.* Письма о путешествии государя-наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма / К. П. Победоносцев. – СПб. : Типография Грачевая и Коми, 1864. – 640 с.

41. *Победоносцев К. П.* Мать мою, родимую Россию, уродуют: письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметьеву / К. П. Победоносцев // Источник. – 1996. – № 6. – С. 18.

42. *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – 499 с.

43. *Победоносцев – Толстому Д. А.* (сентябрь 1883) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 321.

44. *Полунов А.* Белый революционер / А. Полунов // Знание – сила. – 1992. – № 2. – С. 117–121.

45. *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев – человек и политик / А. Ю. Полунов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 40–47.

46. *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев, святейший синод и архиереи в 1881–1894 гг. / А. Ю. Полунов // Вестник Московского ун-та. – Серия 8. История. – 1994. – № 4. – С. 22–33.

47. *Полунов А. Ю.* Политическая индивидуальность К. П. Победоносцева / А. Ю. Полунов // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. – 1991. – № 2. – С. 42–48.

48. *Случевский К. К.* – Победоносцеву 29 мая 1886 // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 203–205.

49. *Соловьев Владимир* – Победоносцеву (1892) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 2. – С. 530.

50. *Толстой Д.* – Победоносцеву (29 октября 1882) // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания и мемуары : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – С. 38.

51. *Фирсов С. И.* Человек во времени: этюды к портрету Константина Петровича Победоносцева / С. И. Фирсов // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 10–17.

52. *Флоровский Г.* Пути русского богословия / Г. Флоровский // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб. : РХГИ, 1996. – С. 487–501.

53. *Цесаревич Александр* – Победоносцеву (6 апреля 1875, 23 марта 1876) // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 39–40.

54. *Черказьянова И. В.* Русификация российских немцев: политика государства, компромиссы и протесты общества / И. В. Черказьянова // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». – М. : МСНК-пресс, 2009. – С. 39.

55. *Чичерин Б. И.* – Победоносцеву (11 марта 1881). Записки «Задачи нового царствования» // Победоносцев К. П. Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. – М. : Русская книга, 2001. – С. 60.

56. *Швейниц Л. Г.* фоп. Дневник / Л. Г. Швейниц // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2001. – С. 174–175.

57. *Шилов Д. И.* Государственные деятели Российской империи, главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 / Д. И. Шилов. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2002. – С. 584.

58. *Эвенчик С. И.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в преформационной России // Учен. записки МГУ. – № 309. – М. : Высшая школа, 1969. – С. 300–310.

59. *Friesen A.* In defense of privilege: Russian Mennonites and the State before and during World War I / A. Friesen. – Winnipeg, MB Canada, Hillsboro, KS, USA : Kindred productions, 2006. – 520 p.

60. *Klimenko M.* Anfänge des Baptismus in Südrussland (Ukraine) nach offiziellen / M. Klimenko. – Friedrich-Alexander-Univ. Erlangen, 1957. – S. 78–81.

61. *Leroy-Beaulieu A.* Empire of the Tsars and the Russians: in 3 vol. / A. Leroy-Beaulieu – Vol. 3. The religion. – New-York, London, 1902. – P. 514–515.